

ПОЛОНЕЗ

Рассказ

*В неясной мгле существованья
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.
Николай Заболоцкий*

На склоне лет у Марии Дмитриевны, жившей в коммунальной квартире блочной пятиэтажки в Черемушках, оставалось среди немногочисленных знакомых две подруги-приятельницы. Обе старше ее и такие разные... но схожие, наверное, жизненными потерями и объединенные каким-то своим душевным миром; а также сумевшие найти общий язык, понимание с неизменным терпением и сохранить по жизни взаимную симпатию, доверие и тягу к дружескому общению... Одна из них – скорее приятельница – Даниловна, простая, малограмотная старушка, жила в одном доме с Марией Дмитриевной, но в другом подъезде. На старости лет она перебралась из неведомых деревенских далей к родственникам в Москву.

У Даниловны было сухощавое телосложение, испещренное морщинами, смугловатое, цвета печеного яблока, лицо, которое свидетельствовало о длительном, всепогодном пребывании под открытым небом. К Марии Дмитриевне она заходила не часто. Встречались приятельницы на прогулках во дворе дома, где прохаживаясь, разговаривали необычно громко. Несмотря на возраст – Даниловне было около восьмидесяти – она оставалась довольно подвижной, но плоховато слышала. Глухота и сыграла, наверное, трагическую роль в судьбе старушки: ее сшиб на смерть трамвай около их дома, на перекрестке улицы Ивана Бабушкина с Кржижановского... К тому времени никого из родственников у Даниловны уже не оставалось...

Другая – Вера Константиновна, давняя подруга Марии Дмитриевны, была постарше ее лет на пять. Знались они еще со времен войны, когда пришлось ютиться в одном бараке на Соколе. После расселения Вера Константиновна какое-то время жила в коммунальной пятиэтажке, потом переехала с семьей своего приемного сына (собственных детей у нее не было) в отдельную квартиру на проспекте Вернадского, где как-то побывал в гостях с Марией Дмитриевной и ее внук-мальчишка, называвший подругу бабушки Тетей Верой. Тетя Вера, запомнившаяся мальчугану худенькой седовласой старушкой с короткой прической, была женщиной интеллигентной, образованной и начитанной, с тонкими чертами лица, живыми светлыми глазами; в молодости была хороша со-

бой, имела не одного мужа (двух, или более теперь уже сказать не представляется возможным). Скончалась за несколько лет до ухода из жизни Марии Дмитриевны.

Тетя Вера в свою очередь тоже частенько приезжала в гости к подруге. Заходила днем, когда сын и невестка Марии Дмитриевны находились на работе, чтобы лишний раз их не беспокоить. Но внук подруги, приходя из школы, каждый раз радовался общению с тетей Верой. Они красиво пили чай с клубничным, вишневым или крыжовниковым вареньем. Мария Дмитриевна раскладывала варенье в хрустальные розетки, обязательно доставала старинную ажурную сахарницу с кусковым сахаром, который колола специальными никелированными щипчиками... Тетя Вера рассказывала что-нибудь из своей молодости. Про пятигорскую могилу Лермонтова на высоком холме, надгробная плита которой блистала черным, с разноцветными переливами, ковром из грешивших под утренним солнцем змей. Про пансион благородных девиц, в котором довелось воспитываться и еще о чем-то, давным-давно ушедшем, недостижимом и романтическом. Марии Дмитриевне нигде дальше Подмосковья побывать не пришлось: сирота, не получившая должного образования, она рано овдовела, одна воспитывала сына и всю жизнь работала – то кондуктором троллейбуса, то продавщицей в киоске, то гардеробщицей в поликлинике...

Частенько во время встреч мальчишка играл по просьбе бабушек на своем белоснежном аккордеоне, обязательно включая в небогатый репертуар, любимый тетей Верой полонез Огинского. А когда старушкам надо было посплетничать о своих невестках, они выходили покурить на балкон. Обе курили папиросы: Мария Дмитриевна «Беломорканал», Вера Константиновна «Герцеговину Флор» или что-то подобное. В зимнее время выходили курить на лестничную площадку, в подъезд, архитектурной особенностью которого являлось наличие между лестничными пролетами обширного центрального проема, перекрытого в целях безопасности металлическими сетками на втором и четвертом этажах. Мария Дмитриевна курила мало, папирос по пять в день, при этом в мундштук закладывала кусочек ватки.

Недалеко от их дома в те времена был возведен большой и современный Черемушкинский рынок. Под его обширный свод, к многочисленным длинным прилавкам со всевозможными привлекательными, но дорожащими продуктами частенько приходили поглазеть и, соблазнившись, что-то прикупить, многие жители округи; приезжала даже и тетя Вера с проспекта Вернадского. Но Мария Дмитриевна не очень жаловала новый рынок, предпочитая старый, Даниловский, куда иногда, – посещая заодно церковь у одноименного монастырского кладбища (с захоронением Матронушки Московской), – ездила на тридцать девятом трамвае по улице Вавилова, садясь у шестьдесят четвертой больницы, за металлической оградой которой росли большущие яблони китайки. Ребятня, в том числе и внук Марии Дмитриевны, заезжала на высокий больничный забор собирать в урожайную пору с их обсыпных, грузных веток, нависающих над пиками оградных прутьев, маленькие красные яблочки с кисло-сладким вязжущим вкусом...

Промчались годы. Семья Марии Дмитриевны переехала и жила в кооперативной квартире на севере Москвы, она сама оставалась в комнате в Черемушках. Думали, что со временем удастся прописать там внука, чтобы сохранить жилплощадь для последующего обустройства молодого поколения – тогда отсутствовало право частной собственности на государственное жилье. Но этим планам не суждено было осуществиться, – комната отошла государству...

Старушкам этим, как большинству других женщин, суждено было провести остаток дней без мужей. Они лишились их (по разным причинам) слишком рано, перенеся в супружеском одиночестве все выпавшие на их долю испытания: войну, потерю близких, лишения, невзгоды, беды

– всё, что Господь ниспослал каждой в своей мере. Мария Дмитриевна скончалась в комнате в Черемушках на семьдесят третьем году жизни. Гроб выносили с четвертого этажа коммуналки двое: сын и повзрослевший, отслуживший в армии внук, который когда-то мальчишкой играл для нее в той комнате полонез на своем белом, как снег, аккордеоне... других мужчин, по каким-то причинам, тогда не оказалось... Похоронили ее на Ваганьковском кладбище, в семейной могиле.

Январь 2022 г.

БАЛКАНСКИЙ ВИЗИТ

Рассказ-очерк

*Веселым и счастливым время было,
И молодость казалась бесконечной...
Мгновенья бурной жизни той, беспечной,
Как пену на песке, прибоем смыло.*

Александр Савельев

Для мужчины, поднявшего телефонную трубку, очередной звонок из Болгарии окончательно определил эту поездку. Друг приглашал его уже не в первый раз. Отказываться или откладывать далее было неудобно. Да, честно говоря, ему самому хотелось увидиться с бывшим одноклассником и заодно еще раз прокатиться к чужим берегам Черного моря. Его товарищ находился с семьей – женой и сыном – в долговременной командировке, в Плевене (от одной из советских экспортных контор, в которой тогда работал), обещал устроить поездку на побережье, помочь с проездом, проживанием, пересечением границы... В те времена нельзя было свободно, без вызова, или путевки, выехать из СССР. При этом он настоятельно просил захватить с собой водительские права.

Они когда-то учились вместе в старших классах замечательной школы на севере Москвы. Прожив несколько лет за рубежом, заграничник изрядно соскучился по общению. Было им в ту пору лет по сорок.

За несколько лет до описываемых событий приглашаемый мужчина уже побывал в Болгарии, будучи сам в командировке (по внедрению аппаратов водяной обдувки на ТЭС «Марица-Восток-2») с проживанием в уютном солнечном городке Стара Загора. Финалом того пребывания стала недельная прогулка по восхитительному побережью, организованная благодарными хозяевами для русских специалистов в районе знаменитого Солнечного Берега и Несебра. И теперь работнику энергетики захотелось снова побывать в гостеприимной стране; повидаться с товарищем, взглянуть на его зарубежную жизнь, а заодно и покупаться в чудесных водах Черного моря. В этот раз он решил прихватить с собой дочь-подростка, которой было в ту пору около тринадцати лет.

Перед выездом обговорили по телефону о въездных бумагах, приглашении, встрече на вокзале и т. д. В поезде туристы встретились с молодой женщиной – приятельницей жены однокашника, которая тоже давно собиралась посетить их общих друзей. В поездке не заладилось всё с самого начала. Несмотря на уверения друга о том, что никаких дополнительных разрешительных бумаг не нужно, на границе болгары все-таки высадили гостей и долго мурыжили. Что-то их не устраивало. Но, в конце концов, пропускные службы смиловались и разрешили продолжить поездку. По прибытии в Плевен москвичей, к их удивле-

нию, на вокзале никто не встретил! Что-то там, у хозяина в тот день не сложилось. Позвонил ему из телефонной будки, гости как смогли, добрались по записанному адресу. Встретились с другом в одном из уютных городских районов, у современного многоэтажного дома. Несколько квартир в нём постоянно арендовалось советской фирмой. У себя приятель устроил подругу жены, а однокласснику с дочерью предоставил пустующую однокомнатную квартиру несколькими этажами выше.

Стояло балканское лето. Долгие вечера были наполнены всевозможными запахами щедрой растительности, доносившимися через распахнутые окна: от сладкого розового благоухания, до аромата незнакомых южных трав. В дополнение к природным запахам примешивался дух свежее испеченных баниц (болгарских слоеных пирогов из пресного теста). От радости эмоциональной встречи рассказам, шуткам и возлияниям не было конца... (В Болгарии, по примеру русских, тогда тоже проводили антиалкогольную компанию, но в сухом вине недостатка не ощущалось.)

На следующий день, дождавшись пробуждения хозяев, пошли всей компанией осматривать обширную представительскую территорию, которая, была огорожена высоким забором. Располагалась она в парковой зоне, где среди раскидистых деревьев уютно размещалось здание офиса с подсобными постройками, многоместным гаражом, небольшим бассейном с душевой. Все это являлось в то время собственностью российской конторы и находилось в ведении их друга.

Под его руководством числилось также человек пять местных жителей, нанятых для выполнения различных текущих хозяйственных работ. Среди этих работников был шофер. Их приятель машину не водил. Друзья с удовольствием прогулялись по комплексу, заглянули в гараж, осмотрели машину «ВАЗ-2107», на которой им предстояло ехать на побережье. Гость, как ему казалось, предусмотрел все возможные нюансы предстоящего взаимодействия с незнакомым транспортным средством. Сев в кабину, завел машину, открыл капот и заглянул в багажник. Спросил про запаску, насос и инструменты у шофера-болгарина и даже опробовал машину, осторожно прокатившись со всей компанией к ближайшему живописному местечку. Пригородные окрестности Плевена располагались на волнистых возвышенностях и сплошь утопали в пышной зелени нескончаемых лесопарковых кущ, в глубинах которых прятались тенистые долины с зеркальными овами голубых озер.

Россиянам старшего поколения Плевен известен больше под старым названием «Плевна», благодаря событиям, связанным с героическими победами русского оружия в Балканской войне, принесшей освобождение болгарскому народу от турецкого ига ценой жизни многих русских солдат.

По возвращении с прогулки гость принудил друга позвонить «нужному» человеку для организации обещанного отдыха на турбазе у моря. Шел второй день их пребывания в городе, и дальнейшее промедление для путешественников было недопустимо. (По специфике своей деятельности, заключавшейся в реализации – с сервисным обслуживанием – советской строительной-дорожной техники, у их товарища имелись определенные связи, в том числе и с местным руководством, в чем ведении находилась одна из курортно-туристических баз отдыха на Черном море.) Хозяин, полистав записную книжку, сел к аппарату и начал дозваниваться...

Выехали из Плевена в субботу утром. Гость с удовольствием вел новенькую «семерку»; рядом с ним – друг (с картой дорог Болгарии и начатой бутылкой пива), сзади – женщины с детьми. Погода чудесная, радостно светило солнышко. Настроение у всех замечательное, под стать природе, их молодости и счастливой отпускной беззаботности. Катили

по широко раскинувшейся равнинной местности, весело переговариваясь, шутя и слушая музыку «Queen», снова и снова повторяя чудесную композицию «Living on My Own»... Когда на панели зажегся указатель критического уровня бензина в баке, свернули с дороги и подъехали к заправке. И тут выяснилось, что хозяева забыли взять с собой в дорогу деньги. Собрали громадную сумку вещей с пляжными и купальными принадлежностями, прихватили паспорта, большую упаковку пива, но упустили из виду финансы. К тому же на бензобаке оказалась крышка с кодовым замком, шифра которого никто не знал. Пришлось звонить в Плевен водителю. Им повезло, на болгарской заправке существовала междугородняя связь – мобильных телефонов-то раньше не было. Оказалось, что шофер уехал на дачу. Через знакомых друг «достал» шофера на даче. Затем распределили средства приезжих гостей. Не возвращаться же обратно за забытым в Плевене бумажником. Из-за этой оплошности пришлось всей компании значительно поужаться в своих запросах.

После заправки путь до моря путешественники проделали без приключений, не считая незначительных блужданий по берегу в поисках турбазы. При оформлении в администрации возникли некоторые трудности во время общения их уполномоченного представительного друга с принимающим директором: то ли из-за недопонимания болгаринном русского языка, то ли из-за зверской икоты, так некстати напавшей вдруг на руководителя экспортного центра вследствие жажды (нейтрализуемой им в дороге чересчур частым потреблением пенного напитка)...

Туристы рассчитались за недельное проживание с питанием, после чего общих средств осталось, что называется, кот наплакал. Поселили их в легком деревянном домике, который состоял из двух комнат с общей террасой. В одной комнате расположился одноклассник с дочкой, в другой – остальные члены компании. Время на побережье пролетело незаметно. С погодой немного не повезло, дня два выдались пасмурными, с дождичком. В эти дни прокатились на машине по близлежащим живописным окрестностям. В солнечные дни купались в море, вечером бродили по песчаному берегу, наслаждаясь легким закатным бризом и глядя на бескрайнюю морскую гладь, отражающую причудливые блики огней местных ресторанов. Один из них располагался на пляже у воды, второй в стороне, чуть дальше. Но посещение увеселительных заведений друзей себе позволить не могли. Так... по мелочам: бутылка пива, воды, мороженое детям... В столовой турбазы кормили сносно, но не совсем достаточно: гостю запомнилось, что он постоянно чувствовал себя голодным.

По возвращении в Плевен бюджет приглашенных друзей пополнился компенсацией доли расходов забывчивых хозяев, и у коллектива появилась возможность посетить ярмарку с разнообразными товарами. Гуляя компанией, долго бродили по торговым рядам среди прилавков со всевозможными сезонными европейскими шмотками, сувенирами и бытовыми изделиями... Напоследок, по рекомендации своего авторитетного друга гости попытались посетить специальный ресторан в Плевене, где клиентам подавали жареные лягушачьи лапки... но в ресторан гурманы не попали.

Обратная дорога в Москву ничем особенно примечательным отважным визитерам не запомнилась, кроме того, что в поезде познакомились с молодым общительным (отлично и утомительно много говорившим по-русски) греком, который всю дорогу угощал «Метаксой» из огромной бутылки, врученной ему при расставании на перроне многочисленными болгарскими родственниками...

Март 2016 г.